

L. R. PALMER, *The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*, Oxf., at the Clarendon Press, 1963, 488 стр.

Новая работа выдающегося английского исследователя, профессора сравнительной филологии Оксфордского университета Л. Палмера посвящена важнейшим вопросам толкования надписей пилосского и кносского архивов, относящихся к концу II тыс. до н. э. Как и многие другие труды ученого, эта книга отличается смелой постановкой проблем, оригинальностью их решения, блестящим мастерством исследовательской техники. Анализ табличек линейного письма В проводится автором на широком историческом фоне, с привлечением огромного фактического материала из различных областей материальной и духовной культуры. Рецензируемый труд Л. Палмера тематически примыкает к «Микенцам и минойцам» — работе этого ученого, вышедшей в 1961 г.¹

Книга «Интерпретация микенских греческих текстов» состоит из двух частей: 1. Введение (стр. 1—110); 2. Тексты (стр. 112—379).

Введение является как бы начальным руководством для изучающих систему линейного письма В. В этом разделе уделяется большое внимание описанию табличек, их изданиям, письму и его транслитерации, фонологии, морфологии, синтаксису микенского языка и его отношению к греческим диалектам. В последней части «Введения» даются результаты исследования отдельных вопросов, подробное изложение которых содержится во втором разделе работы.

Основная часть книги — «Тексты» — состоит из 17 глав, как правило, рассматривающих определенные серии табличек Пилоса и Кносса, например, организацию рабочей силы, государственное устройство и социальную структуру микенского общества, ритуальные приношения, земледержание этого периода, состояние военного дела и многие другие вопросы жизни обоих государств.

Выводы Л. Палмера не всегда соответствуют общепринятым в микенологии положениям (например проблема датиров-

ки кносского архива). Однако самый характер документов, степень их изученности не позволяют иногда достаточно точно оценить правомерность отдельных заключений автора. В настоящей рецензии основное внимание уделяется некоторым вопросам организации пилосского общества, в исследовании которых возможно наметить иной путь решения, чем это предложено в работе Л. Палмера.

В главе IV, посвященной анализу земельных отношений (стр. 186—224), автор книги отмечает, что категории теретов и дамаса невозможно изучать в отрыве от земельдельческой терминологии, с которой они непосредственно связаны в наших источниках. На основе текстуального анализа термина *tereta*, не зависящего, как подчеркивает Л. Палмер, от этимологии слова, ученый приходит к выводу, что земля *kitimena* находится в руках лиц, названных в табличках *tereta*; в категорию *tereta*, согласно надписям группы Еп/Ео, включены тереты и гончар, валяльщик; некоторые тереты и арендаторы их земли помечены *walaka-tero* (царские); земельные владения теретов расположены в Пакиях, где находился также алтарь богини Потнии, тесно связанной с личностью царя. Все эти данные указывают, по мнению автора, на то, что серия Еп/Ео представляет собой отчет, касающийся владений царя в *Pakijanes*: сами же тереты (*τελεσταί*) являются держателями земли на основании их службы царю²; некоторые тереты, выступая держателями общинной земли (*kekemena*), обозначаются в надписи Ер 301 термином *kotonoko*. Для доказательства связи этого термина с землей *kekemena* ученый приводит следующие аргументы: во-первых, в текстах применение термина *kotonoko* ограничено держанием земли именно такого типа; во-вторых, в Еб 297/Ер 704_{б-с}, па; согласно интерпретации автора (стр. 191, 212 сл.), протест *kotonoko* на более поздней стадии находит поддержку со стороны народа.

Представляется возможным сделать несколько замечаний относительно выдвинутых Л. Палмером предположений. Связь категории *tereta* с землей *kitimena* в надписях Еп/Ео не вызывает сомнений. Однако в серии Еа находятся еще пять табличек (Еа 71, 756, 781, 817, 821, 823?),

² Этимологически *tereta* Л. Палмер возводит к *τέλος*, «burden, service» (стр. 190 сл.). Как возможную параллель ученый приводит государство хеттов, где *Lû ilki* («Men of the (Feudal) Service») получают свои владения из дворца, тогда как «Men of the Tool» — от общины («from the villages»).

¹ L. R. Palmer, *Mycenaean and Minoan. Aegean Prehistory in the Light of the Linear B Tablets*, L., 1961. См. рецензию С. Я. Лурье, ВДИ, 1964, № 2, стр. 176—182. О работе «The Interpretation of Mycenaean Greek Texts» в печати появились следующие рецензии: P. Chantraine, RPh, 38 (1964), стр. 258—263; I. Humbert, REG, 77 (1964), стр. 300—302; J. Chadwick, «Gnomon», 36 (1964), стр. 321—327; C. Ruijgh, «Mnemosyne», 17 (1964), стр. 165—169; E. Bennett, AJA, 68 (1964), стр. 404; M. Lejeune, REA, 66 (1964), стр. 465—467.

касающихся данной категории земли, но владельцы ее теретами не названы. Принимая во внимание эти документы, трудно сделать вывод, что *kotona kitimena* всегда связана с теретами. Вопрос о том, в какой степени можно соединять *tereta* с *kotona kitimena* и с *wanaka*, осложняется отсутствием прямых сведений о землях, получаемых от царя.

Проводя сравнение с Хеттским государством, автор исходит из положения, которое еще нужно доказать для обществ линейного письма В: роль верховного правителя в распоряжении землей; поэтому мысль Л. Палмера о имени царя в Пакиях, земли которого *wanaka* отдает теретам, является возможной, но пока недоказанной гипотезой.

Исходя из данных табличек, трудно согласиться с предположением ученого об имеющемся «противопоставлении» между главными лицами Пилосского государства *wanaka* и *rawaketa*. Некоторые сомнения вызывает схема Л. Палмера (стр. 92): *wanax* — *temenos* — имение в Пакиях — с царскими держателями — божество *Potnia lawagetas* — *temenos* — имение в *tino* — с держателями *lawageta* — божество *Hipros*.

Исследователь ссылается на тот факт, что в серии Еп/Ео встречаются термины *tereta*, *teojo doero/ra wanakatero*, тогда как в табличках Еа определение *wanakatero* заменяется *rawakesijo*, сведения о *teojo doero/ra* отсутствуют, дважды упоминается *amotewo rawakesijojo* («Commander's Charioteer») (возникший *lawageta*); следовательно, замечает автор (стр. 220), эта серия надписей относится к держаниям земли, находящейся в компетенции *lawageta*. Имение царя, указывает Л. Палмер, находится в Пакиях, имение *lawageta* — в *tino*³.

Однако из надписи Ап 18, на которую ссылается ученый (стр. 132 сл.), недостаточно ясно, что люди *qouqoro tino* принадлежат *lawagetu*, а люди Пакий — царю, сами же *Pakijasi* и *qouqoro tino*, упомянутые наряду с другими населенными пунктами, в табличке противопоставляются друг другу.

Бесспорно, Л. Палмер прав, отмечая, что в надписях Еа встречаются лица с пометой *rawakesijo*, но не *wanakatero*. Однако следует ли из этого, что *X rawakesijo* всегда должен находиться на земле *lawageta*, *X wanakatero* — на земле царя? Нет надписей, где земля дается

царем, нет и надписей, где земля дается *lawagetu*.

В серии Еа только пять человек названы *rawakesijo*, в серии Еп/Ео — лишь три человека определяются как *wanakatero*. Трудно на основании этих данных судить о принадлежности других держателей земли царю или *lawagetu*.

Толкование термина *kotonooko*, предложенное исследователем, вызывает ряд возражений. Во-первых, из надписи Ер 301 не вытекает с полной очевидностью, что *kotonooko* непосредственно связаны с землей *kekemena*: в Ер 301₂₋₆ определение *kotonooko* может относиться к лицам, уже владеющим землей *kitimena* в серии Еп/Ео:

Ео 247 *Aztijoko kotona kitimena tosedo pemo GR 1 [5/4. Ekoto teojo doero ekeqe onato paro Aztijoqe kotonooko GR 0]1*. В этой табличке, на наш взгляд, вполне допустимо соотношение понятия *kotonooko* с категорией земли *kitimena*. Во-вторых, данные табличек Ер 704₅₋₆/Еб 297 не могут противоречить подобному соотношению терминов, так как самый текст этих двух надписей касается только определенного типа земли — земли *kekemena*.

Если принять данное Л. Палмером определение *kotonooko* как теретов, владеющих землей *kekemena*, то этот вывод заставляет считать упомянутых в Ер 301 лиц теретами, так как они все связаны в надписи с землей *kekemena* и называются *kotonooko*, что явно противоречит данным Ер 301 и примыкающим к ней табличкам: ведь *Atuko*, *Tataro*, *Parako*, *Kuso*, *Keraujo* являются *kotonooko*, но не известны в источниках как тереты.

В той же IV главе (стр. 189 сл.) Л. Палмер обстоятельно анализирует глагольные формы *eke-ekeqe*, часто встречающиеся в табличках серии Е. Трудно считать случайностью, замечает автор книги, что глагол *ekeqe* постоянно используется в более ранних надписях Ео, *eke* — в более поздних (Еп). В записи аренды земли *kitimena* наблюдается очевидная закономерность в смене форм *ekeqe*(Ео) — *eke*(Еп). Более сложен характер распределения глагольных форм в группе Ер/Еб, касающихся арендных отношений на земле *kekemena*. Здесь также в ранней версии (Еб) употребляется *ekeqe*, однако эта форма может сохраняться в некоторых типах держания земли от народа и в позднем варианте надписей (например, *kotonooko*, *kama*, *ijereja kera*). Добавление частицы *qe* к глаголу, замечает Л. Палмер, придает ему смысл будущего времени («prospective force»).

Таким образом, ранняя серия табличек, указывающая, что «Х должен иметь то-то и то-то», характеризуется формулой *ekeqe onato*, так как ударное слово стоит в начале фразы; в более позднем вари-

³ Предположение ученого о том, что земля, записанная в серии Еа, была в *tino*, основывается на недоказанном тождестве *Kereteu tino* (Ха 565) и *Dunijo tinijata* (Fn 79) с *Kereteu* и *Dunijo* таблички Ег 59, примыкающей, как замечает автор, к надписям Еа.

анте надписей, содержащих реализованное предложение, встречается тип записи *onato eke*. Использование формы *ekeqe* в надписях о держании земли от народа во второй (поздней) версии допускает мысль, что предложение еще только подлечит утверждению.

В надписи Ер 617, относящейся к кама, имеется поучительная серия противопоставлений, пишет автор (стр. 190), где слова *kaма ekeqe (ekeqe kaма)* чередуются с *onato eke kaмаeu*, и это предполагает, что тот, кто собирается иметь кама, еще не является *kaмаeu*.

Последнему выводу автора книги противоречит, на наш взгляд, сопоставление надписей Ер 617 и Eb 177:

Eb 177 (ранний вариант) / — /reu [asi] toroqo kaмаeu ekeqe wozeqe] tosode pemo GR 1/2/0

Ер 617 (поздний вариант) / — /reu asi toroqo kaма ekeqe wozeqe toso pemo GR 1/2/0

Если признать вслед за Л. Палмером, что в Ер 617 глагол *ekeqe* сохраняет «проспективный» характер, то остается неясным, почему X *asitoroqo* в раннем варианте назван *kaмаeu*сом, а в поздней версии той же надписи он выступает как *kaма ekeqe*, т. е., согласно автору, как лицо, собирающееся стать *kaмаeu*?

Недостаточно убедительна, на наш взгляд, и трактовка *ekeqe*, предложенная ученым для надписи Ер 704₂. Если *onato ekeqe* (поздняя версия) носит «проспективный» оттенок, то чем вызвана форма записи, свойственная «утвержденному предложению»? Выступает ли в указанных случаях *ekeqe* как форма, содержащая будущее время?

В рецензируемой книге Л. Палмер неоднократно говорит о сознательном отказе от выводов, основанных на этимологической интерпретации терминов линейного письма В. В этом отношении интересен результат анализа понятий *pa₂sireu*, *pa₂sirewija*, *kerosija* (гл. 5), так как, согласно автору, значение этих терминов отличается от их дальнейшего употребления в греческом языке. Ученый приходит к выводу (стр. 227), что общий контекст табличек свидетельствует о ремесленном производстве, а имена людей указывают серию Jn. В этих надписях (431, 601, 845), пишет Л. Палмер, мы снова находим *pa₂ sireu*, который, очевидно, несет ответственность за группу «светских» кузнецов⁴.

⁴ Согласно автору, *basilews* непосредственно связан со «светскими» кузнецами в отличие, очевидно, от *kakewe potini jawejo*. Это предположение, видимо, основывается на табличках Jn 310 и Jn 431. Действительно, *pa₂sireu* не упоминается в группах *potini jawejo kakewe* (кузнецы, принадлежащие богине Потнии — стр. 279), тем не менее, как показывают некоторые надписи (Jn 389,

В доказательстве Л. Палмера существенную роль играет метод отождествления владельцев *pa₂sirewija*⁵ и *kerosija*⁶ с лицами, упоминаемыми в других табличках, главным образом серии Jn. Однако в некоторых случаях применение данного метода вызывает определенные сомнения; так, анализируя надписи Fn 50 и Vn 130, автор книги не приводит доказательств тождества *Atanor'a* из Fn 50 и *Atanor'a* (владельца *pa₂sirewija*) из Vn 130, хотя, исследуя Vn 130, Л. Палмер замечает (стр. 370), что *Atanor* из Vn 130 имеет *pa₂sirewija* в Fn 50. Таким образом, вывод ученого, что перечисленные в табличке Vn 130 лица связаны с кузнецами, остается недоказанным.

Вероятно, нельзя также считать достаточно аргументированным и отождествление некоторых владельцев *kerosija* с *kakewe* серии Jn. Способ доказательства автора состоит в следующем: один из владельцев *kerosija* *Apiqota* (An 261) — *basilews* в *Apekeijo* (Jn 431), где также находятся и кузнецы, принадлежащие Потнии. Другой владелец *kerosija*, *Apijo* (An 261), упоминается в тексте, относящемся к кузнецам (Jn 725). В данной надписи, замечает Л. Палмер, предшествующее слово, вероятно, нужно восстанавливать *Potini jawejo* вместо предложенного Э. Беннеттом *Jnuwejo*.

В Jn 725 встречается *otuwowe* (именительный пад.); в An 261 это же имя, видимо, имеет другое написание — *ota₂wewo* (род. пад.); в этой же табличке *otowoo* стоит рядом с *Apijoto* (род. пад. от *Apijo*).

Разные лица могут носить одинаковые имена, пишет исследователь (стр. 228), однако этот «пучок сходств» («cluster-ressemblance») едва ли является случайным. Но «пучок сходств», о котором в этом случае говорит Л. Палмер, основан на ряде допущений: 1) признании тождества *Apiqota* в Jn 431 и An 261; 2) чтение *Potini jawejo*; поэтому тождество *kakewe* (Jn 725) и владельцев *kerosija* (An 261) является весьма спорным.

Выводы Л. Палмера о характере *pa₂sireu*, *pa₂sirewija*, *kerosija* были достигнуты комбинаторным методом исследования. Сущность этого метода состоит в том, что этимологическая идентификация микенских слов допускается после предварительного анализа их текстологических особенностей. Он может не упоминаться и в табличках, где речь идет о кузнецах, не имеющих отношения к Потнии. Вызывает сомнение интерпретация Jn 829 (стр. 283), так как автор исходит из уже принятого положения о *basilews* как главе «светских» кузнецов.

⁵ *pa₂sirewija* — ремесленная единица, производственное предприятие, во главе которого стоит *pa₂sireu* (стр. 228).

⁶ *kerosija* — хозяйственная единица или организация кузнецов (стр. 427).

гического окружения. Так как pa₂sireu, pa₂sirewija и ke₂osi₂ встречаются в табличках, говорящих о ремесленном производстве, то такой контекст, по мысли автора, дает основание считать связь с этим производством сущностью анализируемых понятий. Однако однообразие контекстов, в которых находятся исследуемые термины, не позволяет, на наш взгляд, делать столь определенные выводы. Применяемый в данном случае комбинаторный метод насильственно ограничивает возможность этимологического толкования самих слов и навязывает им только то значение, которое вытекает из анализа данного контекста. Например, pa₂sireu односторонне толкуется как глава «светских» кузнецов на основе надписей группы Jn, но ведь эти же документы могут свидетельствовать лишь об одной стороне деятельности басилевса, полностью не определяя его сущности⁷.

Определенные возражения вызывает также картина административного устройства двух провинций Пилосского государства — Ближней (Peraa₂koraja) и Дальней (Deveroakoraja) (стр. 89):

9 городов	7 городов
Damokoro [85kewa]	Teposeu
du ₂ nijo duma	/ duma
9 koretere	7 koretere

Схема, предлагаемая Л. Палмером, основывается, в сущности, на единственной табличке On 300. К сожалению, автор не касается вопроса о том, в какой степени допустимо такое обобщение данных этой надписи. Тожество Damokoro (Δάμοκλος, сокращенная форма от Δάμοκλέτης или Δάμοκλες(έ)ηιος — стр. 340) с *85ke-

wa едва ли возможно проверить, так как указанные слова появляются вместе лишь в одной надписи Та 711, в понимании которой имеются существенные разногласия среди исследователей⁸. Даже если допустить подобное тождество, все-таки остается неясным, почему именно Damokoro стоит во главе 9, а Teposeu — 7 городов пилосских провинций, ведь этот последний назван в Jo 438 коретером Tinwasijo. Нам кажется, что выбор Damokoro и Teposeu в качестве главных должностных лиц двух провинций является несколько произвольным. Едва ли возможно в настоящий момент давать столь точную схему государственного устройства Пилоса.

Мы коснулись лишь некоторых вопросов, обстоятельно исследованных в книге Л. Палмера. Можно иногда не соглашаться с отдельными выводами его труда, не принимать предлагаемые им схемы — дальнейшее развитие микенологии покажет, насколько прав автор в ряде своих заключений. Ценность работ подобного типа часто заключается не столько в окончательном, всеми одобряемом результате исследования, сколько в самом методе, подборе материала, стремлении объяснить весь комплекс проблем, встающих при изучении надписей линейного письма B. Этого нового, совсем недавно ставшего доступным науке источника. Труд Л. Палмера, бесспорно, является крупнейшим достижением в изучении древней культуры.

Г. Ф. Полякова

⁷ Chantaine, RPh, 36 (1962), стр. 267.

⁸ M. Ventris and J. Chadwick, The Documents in Mycenaean Greek, Oxf., 1956, стр. 390; ср. ук. рец. Лурье, стр. 180.

B. DAGENS, M. LE BERRE et D. SCHLUMBERGER, *Monuments préislamiques d'Afghanistan. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan*, XIX, P., 1964

Авторы XIX тома «Трудов Французской археологической миссии в Афганистане» знакомят с новыми данными по искусству Хадды, архитектуре Бамиана и археологии Бактр. Он посвящен памяти Альфреда Фуше — основателя этой многолетней археологической экспедиции, одной из самых значительных на Среднем Востоке, который с первого же года работ включил в число основных экспедиционных задач исследование трех названных древних пунктов. Том содержит публикацию новых вещественных материалов, рекогносцировочных исследований и археологических вскры-

тий. Книга отлично иллюстрирована множеством фотографий и чертежей.

Статья Б. Даждана «Неизданные скульптурные фрагменты» вводит в научный обиход свыше ста фрагментов каменных рельефов из Хадды, Беграма, долины Кундуза. Из огромной массы разбитых скульптур, оформлявших комплекс буддийских монастырей Хадды, добытых при археологических работах М. Ж. Барту в 1926 и 1929 гг., пока опубликована лишь та основная группа фрагментов, материалом для которой служил шук. Предметом публикации Б. Даждана является менее многочисленная группа

рельефов, вытесанных из сланца; неизданными доныне остаются скульптурные фрагменты из известняка.

Точное местонахождение описываемых фрагментов, часть которых найдена на Тепе-и-Кафахира, а другая на тепе Баг-Гай (впоследствии они были поделены между Кабульским музеем и музеем Гиме), автором не выяснено, так как раскопки М. Ж. Барту не дают к тому документальных оснований. В силу тех же причин Б. Дажан не располагает данными и относительно того, использовались ли в Хадде, как в Таксиле, камень и шtuk в рельефах одних и тех же ступа или они применялись лишь порознь. Неразрешенным он оставляет также вопрос о месте изготовления этих сланцевых рельефов, поскольку по данным М. Ж. Барту (геолога по специальности) в Дже-лалабадской провинции, богатой известняками, такого рода сланцы отсутствуют. Неясно пока, употреблялись ли сланец, известняк и шtuk в пластическом оформлении ступа Хадды в одно и то же время или они разновременны. Все эти вопросы, по справедливому мнению автора, могут быть решены лишь при постановке новых, более совершенных в смысле археологической методики раскопок, в силу чего он рассматривает свою публикацию в основном как аннотированный каталог.

Каталог этот составлен со всей тщательностью. Б. Дажан дает описание 92 в большей или меньшей мере фрагментированных рельефов из Хадды и, привлекая обширный сравнительный материал, определяет их сюжет, причем подразделяет весь комплекс на «Эпизоды буддийских легенд», «Сцены подношения даров», «Отдельные персонажи и фрагменты сцен» и «Неопределенные объекты».

Автор безусловно прав, характеризуя иконографию публикуемых им скульптурных фрагментов как «банально гандхарскую», притом огульную по сравнению с выдающимися произведениями крупных гандхарских центров. Что касается их датировок, Б. Дажан отказывается от каких-либо уточнений, основанных на этом сходстве, поскольку сама хронология гандхарской скульптуры, в том числе предложенная в недавних по времени публикациях Г. Ингхолта, Дж. Маршалла и др., по существу все еще спорна и неуточнена.

Просмотр иллюстративного материала убеждает в традиционной гандхарской иконографии публикуемых Б. Дажаном памятников. Следует подчеркнуть, что в этом отношении они коренным образом отличаются от блестящего скульптурного цикла шtukовых рельефов Хадды, раскрывающих особую локальную школу ваяния, которая при всем ее подчинении буддийской тематике разрабатывает собственные художественные приемы и следует своим эстетическим идеалам. Это обстоятельство, на наш взгляд,

позволяет считать сланцевые рельефы Хадды созданием гандхарских мастеров, может быть, специально приглашенных для оформления нескольких ступа в полном соответствии с выработанными индo-буддийским искусством канонами. Однако локальный элемент есть и в их изделиях. Он отражен в трактовке некоторых персонажей, образы которых явно почерпнуты из местной среды. Речь идет о нескольких мужских изображениях на рельефах № 10, 28, 29, 40, характерную одежду которых составляет длинная перепоясанная мягкая рубаха, ниспадающая заостренными углами на боках, широкие штаны и иногда наброшенный поверх длинный и просторный кафтан. Автор отмечает, что персонажи эти одеты «по-ирански» (стр. 17, 22, 23), хотя мужскую фигуру № 40 в подобном одеянии он именует «кушанским донатором» (стр. 25). Думается, что первый термин здесь едва ли удачен: «иранский» костюм, для данной эпохи хорошо известный по памятникам парфянского искусства и пумизматки, имеет существенные отличия. Между тем мужской костюм на территории Бактрии и Кабулистана дает ему прямые аналогии: сходный тип рубахи и штанов можно видеть в скульптуре Халчаяна и на рельефе из Старого Термеза, а подобное одеяние с кафтаном поверх него — на монетах Кадфиза I и Канишки, на известных статуях кушанских правителей из с. Маг, на рельефе из Шотарака и статуе из Сурх-Котала.

Таким образом, если буддийские сюжеты на сланцевых рельефах из Хадды и сделаны целиком в традициях гандхарского ваяния, то выполнявшие их мастера придавали конкретным образом донаторов внешний облик представителей местной среды. Этот принцип особенно наглядно запечатлен на двух впервые опубликованных Б. Дажаном рельефах из Каниси (стр. 35, табл. XXII), где группа донаторов или почитателей Будды — мужчин и женщин — представлена в одеяниях не индийского, но среднеазиатского («кушанского») типа.

Большой интерес вызывают скульптурные фрагменты из Катаганской провинции. Это уже территория Бактрии, где найдено значительно меньше произведений пластического искусства, нежели в Кабулистане и Дже-лалабаде. Помимо обломков двух рельефов с более или менее традиционной буддийской тематикой здесь обнаружены четыре оригинальных скульптурно оформленных капители. Одна из них принадлежала угловому пилястру и представляет капитель так называемого «индо-коринфского» типа — с двумя рядами очень приземистых акантов, между которыми в центре размещены фигурки бодисатв, с абаккой, оформленной фигурами двух скачущих в разные стороны зебувидных бычков и устрашающей антропоморфной личиной между